

Анастасия Клейменова

Александра

(повесть о первой любви)

12+

Анастасия Клейменова

Александра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65364008

SelfPub; 2021

Аннотация

"Любовь нечаянно нагрянет, когда её совсем не ждёшь..."
Нагрянуть она может даже тогда, когда тебе всего одиннадцать.
Что делать с этим чувством? Как быть? – таким вопросами задаётся главный герой повести. И так и не находит на них ответа.

Анастасия Клейменова Александра

1 глава

Первая встреча

Мы не знали, куда деться от этой бабки! Она, казалось, преследовала нас везде.

– Опять набедокурили! – ругалась Мария Тимофеевна. – Всю клумбу ногами помяли, архаровцы!

Тщетно пытались мы ей объяснить, что клумбу помяли вовсе не мы, а пацаны из соседнего двора.

Но бабка не унималась.

– Опять шумите! Взять бы ваш мяч и выкинуть на мусорку, чтоб не играли в футбол под окнами.

Мы начинали объяснять Марии Тимофеевне, что мы не играли в футбол, а просто перекидывались мячом, но она нас и слушать не хотела.

– Знаю, как не играете! Так не играете, что аж уши трещат от вашего футбола! – возмущалась она, перебивая наши объяснения.

Совсем достала нас бабка!

Однажды мы, не выдержав возмущений Марии Тимофеевны, решили подложить к ней на подоконник петарду. Сле-

лать это нам не составляло труда: баба Маша жила на первом этаже одного из пятиэтажных домов.

Нам удалось осуществить свой коварный замысел: правда, подложили петарду лишь мы вдвоем с Женькой; остальные ребята из нашей компании в тот день уехали с родителями в город (живем мы в военном городке в сорока километрах от Екатеринбурга), поэтому, к сожалению, не смогли поучаствовать в зловещей, но очень важной для нас операции.

Положив петарду на подоконник, мы начали убежать.

Следует сказать, что жили мы не во дворе Марии Тимофеевны, а все в разных дворах, нас объединяло увлечение футболом (в который мы играли только на нашем школьном стадионе и больше нигде).

Но при этом мы очень любили собираться и играть в различные другие игры («Казачьи-разбойники», «Московские прятки») в разных дворах, и нигде на нас так не ругались, как ругается на нас здесь эта ненормальная баба Маша!

Непонятно, отчего она такая злая? Может, она просто одинока? Дети живут у неё в других городах. Дочь, вообще говорят, занесло в Москву. Все о ней забыли. Бедная баба Маша.

Но жалость к Марии Тимофеевне всегда была у меня относительной. Как никак, но эта женщина определенно мешала нам жить, дружить, играть... А это очень плохо!

В тот момент, когда Женька подложил на подоконник петарду, у меня предательски развязался шнурок.

Я опустил на корточки и стал завязывать его. Женька в это время спрятался в небольших кустах, расположенных чуть подальше окон Марии Тимофеевны.

Раздался взрыв. Несколько стекол упали на подоконник.

Не знаю, что со мной произошло, но я не побежал вслед за Женькой в кусты. Хотя прекрасно услышал его шепот:

– Бегом сюда, ко мне!

Как полный дурак, я устался на разбитое нами окно и не мог оторвать от него свой взгляд.

Что-то неприятное должно было произойти, и я быстро-быстро всё начинал представлять.

Вот баба Маша выходит на улицу, вот берет меня за ухо, вот ведет к родителям... Боже мой! Что я стою!?

– Женька, я сейчас!...

Но было поздно. Уже открылась дверь подъезда. Сердце мое заколотилось!

На улицу выскочила не недовольная бабушка, которая постоянно любила делать нам замечания, а девочка лет десяти-двенадцати с пышными кудрявыми волосами.

Волосы девочки были завязаны яркой красной резинкой. Глаза незнакомки были голубые-преголубые, щёки розовые, а взгляд безумно сердитым.

Я оторопел сразу от двух вещей: во-первых, от безумного гнева девочки, во-вторых, от её красоты.

Вместо того, чтобы убежать, я устался на девочку.

Незнакомка деловым шагом подошла ко мне, засунув свои

руки в карманы шортов (она была одета в шорты и футболку).

– Ты что хулиганишь? – думал я, спросит она меня сейчас.

Но вместо этого услышал другое:

– Это ты сделал, или тот, кто рядом тут... бегал?

– Что сделал?

Неожиданный страх овладел мной, я почти не мог говорить.

– В окно ты бросил что-то... взрывчатое?

Девочка внимательно посмотрела мне в глаза.

От её взгляда мне стало ещё страшнее.

– Что ты? Что?

И вдруг словно кто-то крикнул за меня:

– Не я! Не я! Оно мне надо твои окна разбивать! Я знать тебя не знаю! И вообще... отстань!

Девочка развернулась, захотела уйти обратно в дом, я схватил её за руку, что было неожиданно для меня самого: я всегда стеснялся девчонок.

– Как тебя зовут? – крикнул я девочке в ухо.

– Я не глухая. Меня зовут Саша, – ответила девочка.

– Саша?

Я удивленно повторил. Такую красивую девочку, могли звать только Маргаритой или Розой!

– Сашей. А что?

– А ничего.

Я насупил, не зная, что ещё говорить.

– Я пойду, – сказала мне девочка.

– Зачем?

– Домой.

– Не надо!

Я понял, что, если сейчас отпущу девочку, то потеряю её навсегда. А этого мне жутко не хотелось!

– Надо. Бабушка скоро с рынка вернется, об окне узнает...

– Может не сразу узнает.

Я тут же спохватился: что я такое говорю?

– То есть это... Ты что к бабе... к Марии Тимофеевне на каникулы приехала?

– Да. Я приехала с одной своей знакомой из Москвы. Она сейчас тут, гостит у своих родственников, а я у бабушки. Потом она меня заберет и поедем с ней вместе домой. А что?

– Ничего.

– Ну, тогда я пойду.

Девочка начала вновь уходить.

– Стой! – снова громко крикнул я.

– Чего ещё? – недовольно произнесла девочка.

– Хотел спросить...

Неожиданно я понял, что совсем не знаю, о чём ещё спрашивать девочку.

– Ты не знаешь, кто такой ... зеленый свин?

– Нет.

Девочка на мои вопросы отвечала коротко, меня начинало это раздражать. Но сдаваться я не был намерен.

– Это такая свинюшка...

Я начал запинаться.

– Свинюшка, игра, нравится...

Девочка высокомерным взглядом оглядела меня.

– Я не играю в компьютерные игры! – сказала она.

– Как?

– А вот так. Мне некогда. У меня младшему брату полтора года, я с ним нянчусь, и в двух школах учусь. Времени нет!

– Странная какая-то, – подумал я и уже начал в ней разочаровываться.

Когда человек в её возрасте не играет в компьютерные игры, да и вообще в любые игры – это явно ненормально.

– Я пойду!

– Стой!... А как зовут твоего брата?

Как зовут её брата – я сам не понимал: на черта мне это нужно знать!?

– Моего брата зовут Игорь. Он такой хорошенький, умный...

Внезапно девочка оживилась, начала что-то рассказывать мне о брате, говорить о том, какой он у неё умный, добрый и «всё-всё понимает», хотя плохо разговаривает.

– Меня он знаешь, как зовет? Алексой, мне так нравится!

Я расхрабрился.

– Тогда я тебя тоже буду звать Алексой!

– Зови, если хочешь, – опять весьма ленивым голосом отозвалась девочка.

Мы не знали, о чём ещё поговорить, и начали молчать.

Мне вновь вспомнилось разбитое окно.

Я начал ощущать неловкость, теревить майку.

Но Алекса словно ожидала от меня следующего шага.

– Пойдем ко мне! – предложил я девочке. – Поиграем в «Зеленого свина».

Черт побери! Что я говорю, она же не играет в игры!?

Я ожидал, что Алексе моё предложение не понравится, но она, к моему удивлению, улыбнулась.

– Не могу сейчас, – сказала она мне. – Бабушка скоро вернется с рынка, а ключа у неё нет.

– Тогда пока!

– Пока!

Алекса дружелюбно помахала мне ладошкой. Её прежнее недовольство, казалось, было забыто.

Я пошел домой.

2 глава

Ссора

Женька, притаившийся до этого в кустах, выпрыгнул оттуда.

– Ну что, как тебе девочка? – спросил он у меня с насмешкой в голосе.

Как приличный пацан, я должен был заехать Женьке по уху: во-первых, за то, что он меня кинул в минуту опасности, а, во-вторых, за то, что он теперь беспощадно насмехается

надо мной.

Но после общения с Сашей мне было приятно, спокойно на душе, поэтому, я тихо отозвался:

– Ничего. Красивая.

– Ха-ха-ха, – рассмеялся Женька. – Втюрился по уши! Ха-ха-ха!

– С чего ты это взял!?

Мне сразу стало противно, оттого, что Женька кругом прав и кругом победитель: ведь именно он бросил петарду противной бабке в окно, а не я, именно он умело скрылся с места преступления, а не я, и именно он раскрыл мне страшную тайну, о которой я только-только начинал догадываться.

Я замахнулся и ударил Женьку по носу. Женька дал мне сдачи.

Мы начали кататься в траве, бить друг друга.

– Гад ты Женька! Ненавижу тебя! – кричал я в сердцах человеку, которого ещё рано утром считал не то, что своим лучшим другом, а своим родным братом.

– Подумаешь, влюбился, влюбился и, как баба себя ведёшь, признаться боишься даже себе в этом!

– Не боюсь я, не боюсь!

Освободившись от цепких Женькиных рук, я поднялся с травы.

– Ничего я не боюсь! Просто у меня больше нет к тебе доверия!

– Ах, вот оно как!

– Да, ты предатель, подлец, кидаешь меня одного и... вообще, это моё дело – кого мне любить, а кого нет. Тебя это не касается. Понял?!

Женька растерянно посмотрел на меня.

– Прости, – пробормотал он. – Я, правда, подставил тебя. Я не хотел...

– Да, да, все вы не хотите, и все подставляете меня. А как плохо вам, так все сразу ко мне... Игру у Тольки Мишка спёр, вы соврали, что я, стучали в дверь к Костылевым все, вы наврали на меня. Достали вы меня все, не хочу больше с вами дружить! Не нужны мне такие друзья – подставлялы!

Женька молча смотрел на меня, сказать что-то против моих слов ему было нечего.

– Я пошёл домой, – небрежно проговорил я и направился в сторону своего дома.

Женька бросился меня догонять.

– Коля, Коля, извини. Коль, я согласен насчет игры. Но ведь Мишка потом признался.

– Потом, когда его родители уже обозвали меня «вором», «малолетним преступником», – безжалостно напомнил я Женьке.

– А с Костылевыми вообще недоразумение. Ты же сам помнишь.

– Недоразумение!?

Я шёл вперед, не оглядываясь.

– Ну да, недоразумение...

– Знаешь, что?!

Я остановился, внимательно посмотрел Женьке в глаза.

– Знаешь, мне кажется недоразумением другое.

– Что?

Женька растерянно посмотрел на меня.

– Наша дружба, вот что!

Женька уныло взглянул на меня, после чего крикнул, отчасти обманывая самого себя:

– Да и не надо мне твоей дружбы, нужна она мне больше. Катись к своей... новой подружке! Иди отсюда!

Я ничего ему не ответил.

3 глава

За гранью обычного мира

Только я зашёл домой, как тут же услышал мамин недовольный голос.

– Ты где бегаешь? Сколько тебя можно ждать!? Я уже устала греть борщ!? Три часа, а ты обещал придти домой к половине второго! Ну сотовый телефон есть, не в двадцатом веке живем! Ты что, за временем не следишь!?...

Когда мама на кого-то сердилась, она начинала говорить очень много.

Можно было смело затыкать уши, чтобы не слышать бесконечных маминых речей, но, учитывая, что я был не посторонний человек, а родной сын, приходилось терпеливо вы-

слушивать мамины замечания.

Выговорившись, мама становилась прежней: доброй, спокойной, ласковой.

Такой я любил свою маму больше всего.

В такие минуты мне хотелось залезть к маме на колени, обнять её, сказать ей, какая она у меня хорошая.

Но проявлять подобные чувства я уже стеснялся: в августе мне должно было стукнуть двенадцать лет. Уже не маленький мальчишка.

С удовольствием проглотив две тарелки борща (мне очень нравился борщ, который готовила мама), я ушел к себе в комнату, включил компьютер, залез в Интернет, зашёл на сайт «В контакте», начал бессмысленно просматривать страницы своих друзей.

Вот мы на дне рождения у Мишки, поехали вместе с ним и его родителями в город, поиграли в «Боулинг», я три раза подряд выбил мячом все-все фишки, Мишкин папа похвалил меня, сказал, что я «настоящий снайпер».

Я чуть-чуть улыбнулся, вспомнив тот веселый день.

Посмотрев страницу Мишки, я зашел к Толику. На главном фото у Толика были мы втроем: я, Мишка и он сам. Мы стояли на нашем стадионе, счастливые, жизнерадостные: в тот день мы обыграли в футбол команду из другого городка.

Я выключил компьютер, мне стало грустно.

– Неужели я жалею о том, что поругался с Женькой? –

подумал я. – Ну подставили меня пару раз, с кем не бывает.

– Не бывает только с тобой. Ты никого никогда не подставляешь, – сказал мне мой внутренний голос.

Я рассмеялся.

Ну почему всегда, когда тебе хочется что-то понять, в чем-то разобраться, обязательно возникает тот, кто всегда РЯДОМ и дает тебе советы, в которых ты, действительно, нуждаешься, хоть и не осознаёшь этого до конца.

Иногда мне казалось, что я схожу с ума, давая себе самому советы, хотя я слышал, что тот, кто РЯДОМ есть у всех, просто не все любят к нему прислушиваться или вообще не обращают на него внимания.

От мыслей о том, кто со мной рядом, я вновь вернулся к мыслям о сегодняшней ссоре.

– Наверное, я был не прав! – подумал я.

– Прав, прав, – услышал я вновь ЕГО голос. – Хоть раз их надо проучить, хватит быть дипломатом!

Что такое «дипломат» я вспомнил с трудом, после чего лег на диван и, утомленный летней жарой и сегодняшней ссорой, тут же уснул.

Сквозь сон я почувствовал, как мама заботливо накрыла меня одеялом и чмокнула меня в щёку.

– Солнышко моё! – сказала она мне.

Я улыбнулся во сне.

Через некоторое время я увидел зеленую огромную поляну с цветущими на ней одуванчиками.

Я рвал эти одуванчики и беспощадно сдувал с них пух, отчего головки их становились голыми, а мне становилось неудобно перед одуванчиками, что я их лишал таких роскошных пышных платьев.

Вообще я очень часто стыдился и стыдился многого. Сам не знаю, почему. Стыдился того, что меня вызывают к доске, а я не доучил правила, стыдился, что я не умею (по моему мнению) хорошо танцевать, стыдился, что до сих пор (в двенадцать лет!) не научился себе чистить обувь, стыдился того, что был очень ранимым и чувствительным и, несмотря на внешнюю отвагу и воинственный вид, мог расплакаться из-за пустяков.

Стыд жил вместе со мной, он был неотъемлемой частью моего характера.

Но стыд это одно. Стыд сильно не мучает, мучает обычно совесть. Совесть – злобный таракан. Она меня всегда достает по вечерам.

И иногда из-за полнейшей ерунды.

– Ты опять забыл сказать «до свидания» Марии Николаевне, выходя из класса? Ты задел в подъезде соседку портфелем и не извинился? Ты зачем сегодня поднял руку и не ответил на простой вопрос учителя?!

Когда этих «зачем», «почему», накапливалось много, я засыпал, уже совсем теряя силы от собственного занудства.

Изредка меня успокаивал тот, кто РЯДОМ.

– Не переживай, не волнуйся, – говорил он мне. – Ты хо-

роший парень, и всё у тебя будет хорошо. Не кори себя за пустяки!

После такого самоутешения мне становилось легче, хотелось смеяться, но совесть с пущей силой капала мне на мозги.

– Лежишь в постели, а по географии знаешь только тридцать пятый параграф, а тридцать шестой выучил абы как. Как спросит тебя завтра Татьяна Юрьевна! Узнаешь!...

Так вот, на зеленой поляне я встретил Алексу. Она была одета на этот раз не в шорты и футболку, а в коротенькое белое платье.

Саша подошла ко мне и с улыбкой посмотрела на то, как я оголяю одуванчики.

– Привет! – сказала она мне.

– Привет! – ответил я Алексе.

– Я ведь знаю, что ты разбил окно... – сообщила мне девочка.

«Черт побери, и здесь меня преследует совесть. Только в виде понравившейся мне девочки Саши!»

– Откуда ты знаешь? – спросил я Алексу.

– Я видела вас двоих.

– А почему ты мне ничего не сказала? – спросил я у девочки.

– Я не стала ничего говорить, увидев твой взгляд. Он был такой испуганный!

Саша говорила со мной очень искренне, по-доброму, по-

этому мне не хотелось её обманывать.

– Ты права, – признался я девочке. – Я жутко тебя испугался!

Алекса в ответ рассмеялась, мне стало неловко из-за её смеха.

Саша начала смеяться всё громче и громче, я уже не знал, как себя вести.

– Алекса, не надо меня мучить, прекрати! Алекса, прошу тебя!

После таких умоляющих собственных криков, я проснулся; на кресле, стоящим рядом с диваном, на котором я спал, сидела мама и громко смеялась.

По телевизору шла передача «Шесть кадров».

Мама заметила, что я проснулся и стала извиняться передо мной за то, что разбудила меня своим смехом.

– Ничего, мам, – ответил я и уже через несколько секунд, смотря передачу, смеялся громче мамы.

4 глава

Мамина тайна

Мы с мамой пили чай с малиновым вареньем на кухне, мама рассказала мне, как в детстве, учась во втором классе, влюбилась в одного восьмиклассника, начала бегать за ним, просила его помочь ей с уроками, как покупала ему в столовой булочки, а он смеялся и отказывался их есть, отшучива-

ьясь тем, что боится расползеть.

Я был удивлен такому рассказу мамы, раньше я слышал от неё только то, что в школе она была шпаной, хулиганила на уроках, пуляя в одноклассников из трубочек, заряженных клочками бумаги, о том, что она любила поговорить с соседом по парте, не слушая объяснений учителя, о том, что в своем дворе она забиралась на самые высокие деревья, о том, что она дружила до седьмого класса с одними мальчишками. Но я никогда не слышал о том, что мама была влюблена в восьмиклассника, учась всего во втором классе.

– Что же было потом? – спросил я маму.

– Потом. Да много чего...

Мама улыбнулась, предаваясь воспоминаниям.

– Много чего, сынок.

Я заметил, что в глазах у мамы промелькнула грусть, и задумался, отчего она так погрустнела.

– Всё закончилось неудачно? – тихо сказал я.

– Нет, то есть да. Восьмиклассник попросил меня, чтобы я к нему больше не подходила, объяснив мне, что ему нравится другая девочка, которая учится в седьмом классе.

– И ты ушла?

– Нет. Я не отступила. Просто затаилась на некоторое время.

– А потом? Что потом?

– Потом он поссорился с этой семиклассницей и подружился со своей одноклассницей Надей.

– Надей?

– Да, с Надей, а потом с Таней, а затем с Вале́й, и вроде с Ирой.

– А ты?

– А я – ничего. Моё сердце было занято только им.

– И ты... никогда кроме него никого не любила?

– Нет. Хотя у меня было много поклонников. В семнадцать лет на выпускном вечере мне сделал предложение студент один второго курса. Я ему отказала, сказав, что дружить буду, а замуж не пойду за него никогда.

– Он обиделся?

– Нет. Он не любил меня. Он просто восхищался моим смелым и сильным характером. И не более того.

– А разве нельзя любить и восхищаться?

– Можно, конечно, Коленька, просто... Просто он так мне и сказал: «Я балдею от твоего характера!» А что меня любит не сказал ни разу.

– А что же было потом? Ты осталась одна?

– Я никогда не была одна. Как я уже сказала, у меня было много поклонников. Но лишь один-единственный жил в моём сердце.

– Ты его ждала?

– Да. Я его ждала пятнадцать лет. Он сделал предложение мне, когда разочаровался уже во всем, в чём мог, в том числе и в своей работе.

– А кем он работал?

– Инженером. Он ушёл с этой работы, решив, что на ней ему мало платят, и теперь меняет работу постоянно. Как перчатки.

– А сколько тебе было лет, когда он сделал тебе предложение?

– То ли двадцать три, то ли двадцать четыре. Какая-то пограничная цифра между ними.

– А ему было уже тридцать?

– Да.

– Мама.

Я улыбнулся.

– А где сейчас твой инженер?

– Он сейчас работает охранником. В данный момент на смене.

– А как его зовут?

Я окончательно развеселился.

– Сергей Григорьевич. Ну для тебя он просто... «папа».

На глазах у мамы выступили слезы.

Я вышел из кухни, сказав маме «спасибо», и зашел в свою комнату, решив поиграть немного на компьютере в своего любимого «Зеленого свина». Чтобы отвлечься.

Но вместо этого, сев на стул возле компьютерного столика, я начал думать о маме.

– Как мама могла столько лет убиваться из-за одного человека?! Может, папа – маг?

Такая догадка стала пугать меня.

– Но как же можно по-другому объяснить его такое сильное воздействие на маму?

Я улыбнулся, вспомнив о том, что моя мама – сама достаточно сильный человек. Значит, он её морально подавил? Может, она просто внушила себе эту любовь? А может, ей просто мерещилось, что она любит его? Может к тому времени, когда папа сделал предложение, мама давным-давно уже разлюбила его?

Мама вошла ко мне в комнату, подошла ко мне, легонько тронула меня за плечо.

– Сынок, ты извини меня за...чрезмерную откровенность, – сказала она мне. – Просто я никому никогда не рассказывала об этой истории. Хотелось поговорить!

– Ничего, мам.

– Малыш, не дай бог тебе кого-нибудь так полюбить!

– Мам.

Я внимательно посмотрел маме в лицо.

– А что, любить плохо?

– Нет, сынок, не в этом дело. Плохо не любить, плохо любить по-другому.

– Это как, любить по-другому?

– Безответно.

– Мам, а что папа тебя...

– Любит, конечно. Он полюбил меня. Через пятнадцать лет после того, как я его полюбила, и я приняла его любовь. Хотя сделать это мне было нелегко.

– Почему?

– Когда моя любовь к нему стала потухать и лишь робко светила, его любовь ко мне разгорелась с большой силой.

– Ты тогда устала его любить?

– Да. Я любила его уже по привычке.

Я несколько секунд молчал, после чего встал со стула, обнял маму и прошептал ей на ухо:

– Мам, ты у меня самая лучшая, правда. Жалко, что папа это понял очень поздно.

– Спасибо, Коленька, – прошептала мне в ответ мама. – Только я тебя умоляю, ничего не рассказывай об этом папе.

– Хорошо, мам, не расскажу.

Мне стало светло и радостно на душе. Я сам не понимал почему.

5 глава

Маг

Я проснулся рано утром, потянулся в кровати. В мою комнату светило солнце, кто-то играл во дворе – был слышен смех ребят.

Мне было весело, я и сам не понимал, отчего.

Может, оттого, что мне было всего одиннадцать лет, а может, оттого, что впереди ещё оставалось полтора месяца каникул, – объяснить причину своего весёлого настроения я не мог. Да и не пытался это сделать.

В первую минуту после своего пробуждения ото сна, я лежал в постели и ни о чем не думал. Просто ни о чем!

Потом волна разнообразных воспоминаний окутала меня.

Я начал вспоминать вчерашний день: разбитое окно, девочку Сашу, её бабушку – Марии Тимофеевну, как подрался с Женькой, вечерний разговор с мамой.

Мне стало и грустно, и горько, и радостно одновременно.

Поднявшись с постели, я зашёл на кухню, где мама уже приготовила завтрак: омлет со свежими огурцами.

Съев омлет, выпив две чашки чая, я надел свой любимый джинсовый костюм (на улице было прохладно) и вышел на улицу.

Мама попросила купить меня две булки хлеба, и я сразу помчался в магазин.

Магазин находился всего в двухстах метрах от дома, сходить в него мне не составляло никакого труда.

Купив хлеб, я пошел было к себе домой, но какая-то непонятная сила понесла меня сначала к дому, а потом к подъезду Саши.

Я вспомнил свои вчерашние мысли о любовной магии и немного испугался.

– Неужели и со мной то же, что... и с мамой?...

Впрочем, в этом я не был уверен. Мама ждала, когда на неё обратит внимание папа, целых пятнадцать лет, я бы, наверное, столько ждать никого никогда бы не смог.

Подойдя к дому Саши, я совершенно бесстрашно вошел

в её подъезд, поднялся на первый этаж, постучал в дверь.

В квартире раздавался какой-то шум, я не мог до конца понять, то ли гремела музыка, то ли кто-то пылесосил.

Дверь мне открыл девятиклассник – Володька Смирнов.

Володьке было четырнадцать лет, он был рослым, стройным пареньком, довольно симпатичной внешности. После школы почти каждый день Володька посещал театральный кружок, руководителем которого была его родная мама – несостоявшаяся актриса. Как объяснял сам Володька (не мне, а своим друзьям): «Настоящие таланты всегда остаются за чертой, успех приходит только к посредственностям».

Может, так оно и есть, как говорит Володька, я об этом, честно говоря, никогда не задумывался.

Увидев Володьку, я сильно удивился, что он делает в доме у Марии Тимофеевны. Неужели она сама пригласила его в гости? Насколько я помнил, даже малочисленные подруги Марии Тимофеевны и-то не очень любили к ней приходить, не говоря уже о каких-то девятиклассниках.

– Привет, – сказал мне Володька.

– Привет! – ответил ему я.

– Что пришёл? – спросил меня девятиклассник.

– Я к Саше.

Володька хмыкнул в ответ.

Лишь после этих слов к двери подошла сама Саша, немного удивлённо посмотрела на меня.

– Здравствуй, – сказала она мне.

В этом холодном «здравствуй» я почувствовал её сильное желание держать со мной дистанцию.

– Здравствуй, Саша! – ответил я тихо девочке, решив вести игру по её правилам.

Саша внимательно посмотрела на меня, чуть-чуть улыбнулась.

– Ты, наверное, хотел что-то спросить? – сказала она мне.

– Ну почему, ну почему, какой-то пижон сидит у неё, без всякого повода, а я обязательно должен его иметь! Обязательно я должен что-то спрашивать!

От отчаяния я сжал кулаки и чуть не разревелся!

– Где твоя бабушка? – проговорил я.

– Бабушка уехала в гости к подруге на один день. Завтра вернется. Ты, наверное, к ней пришел? – спокойным голосом спросила у меня Саша.

– Да. К ней.

– Ой, а её нет. Давай я ей передам... Ты что-то хотел спросить? Или что-то может передать?

Саша вопросительно посмотрела на пакет с хлебом, который я держал в руках.

– Ничего не надо, – хмуро отозвался я. – Я сам... потом спрошу.

– Ну ладно.

Саша улыбнулась.

– Пока!

– Пока!

Саша захлопнула дверь, за ней послышался отвратительный смех Володьки.

Я выскочил на улицу, посмотрел на проделанную мной вчера работу – разбитое стекло. И вдруг понял, что меня раздражает всё: и стекло, и Саша, и её бабушка, и вообще весь мир.

Захотелось с кем-нибудь подраться, но рядом никого не было, поэтому я подошел к сосне, растущей около лавочки, и со всей силой пнул по её стволу.

Нога моя заболела.

Из подъезда выбежал Володька, надменно посмотрел на меня.

– Что, кавалер, неудача постигла тебя? – небрежно бросил он мне.

Я серьезно взглянул на Володьку и вместо того, чтобы броситься на этого хлюпика-пижона, которого я мог побить в два счета, несмотря на трехлетнюю разницу в возрасте, тихо пробормотал:

– Смотри, чтобы она тебя не постигла. Любовная магия не знает границ!

– Чего? – усмехнулся в ответ Володька. – Ты где такого бреда набрался? Сам что ли надумал?

– Нет. Просто знаешь, всё легкое быстро приходит и уходит, а всё настоящее... оно, в общем, достается тяжелее, но потом... на долгие годы.

Володька махнул в сторону рукой.

– Тебе в профессора надо идти! – вынес он мне приговор. – С такими мозгами не за девчонками бегать надо, а книжки читать!

– Одно другому не помешает! – умело парировал я.

– Дурак ты! – сказал мне Володька. – Ничего ты не смыслишь в жизни, бестолочь! Думаешь, женщинам нравятся зубрилы типа тебя? Нет, им нравятся такие, как я. Я могу и на гитаре сыграть, и анекдот рассказать, и пошутить, а ты... будешь им твердить о настоящем и ненастоящем, и через две минуты они от тебя убегут!

– А вот и не убегут! Сам ты, дурак!

Володька в ответ лишь усмехнулся и убежал от меня по своим делам.

Я подождал пока он отдалится и вновь зашел в подъезд, поднялся на первый этаж, постучал в дверь.

На этот раз Саша выскочила уже через пять секунд.

– Привет ещё раз! – сказала она мне.

Не обращая никакого внимания, на её приветствие, я спросил:

– Саша, а что вчера, бабушка твоя, ну насчет стекла?

Вопрос мой прозвучал довольно нелепо, но Саша быстро сообразила, о чем идёт речь.

– Стекла? Да, ничего, тысяча рублей ремонт!

Мне вновь показалось, что Алекса знает о том, что я разбил её стекло, точнее разбил не лично я. Но что я также имею отношение к данному мероприятию.

Я не стал признаваться, не стал больше ничего говорить и начал спускаться по лестнице.

– Стой! – окликнула меня вдруг Алекса.

Я, как вкопанный, встал.

– Хочешь пирожки с яблоками? – спросила она меня.

Я вернулся, улыбнувшись, пробормотал:

– Конечно, хочу!

Мы сидели на кухне, пили чай с пирожками, Алекса почти ничего не говорила, а лишь тихо, с какой-то хитринкой в глазах поглядывала на меня.

Иногда мне начинало казаться, что она и, вправду, обладает какой-то магической силой, не совсем понятной мне, мне казалось, что эта девочка знает гораздо большее, чем я могу предположить, но умело маскирует свои знания от меня, не желая ими делиться.

– Алекса, а в каких ты школах учишься? – спросил я девочку.

– В простой и в английской, – ответила мне Алекса.

Меня всегда удивляли её ответы. Они были точными, краткими, в отличие от других девчонок, она не пускалась в длинные рассуждения, в философствования, хотя даже я, мальчишка, очень любил порассуждать.

– А в каком классе ты учишься? – спросил я Сашу.

– Перешла в восьмой.

Я удивленно приподнял брови. Выглядела Алекса всего лет на одиннадцать, я предполагал, что она моя ровесница.

Саша вновь начала молчать.

Меня стало раздражать её молчание.

– А почему ты не спросишь меня, в каком я учусь классе? – спросил я у девочки.

– А зачем? – усмехнулась в ответ Алекса. – Я и так знаю. Перешел в шестой класс, двенадцатого августа тебе исполнится двенадцать лет.

– А откуда...?

– Зашла на твою страницу «В контакте». Мне Вова назвал твоё имя и фамилию.

Значит они говорили обо мне? Мне это очень не понравилось. С другой стороны, обрадовало то, что Алекса интересовалась мной.

Телефон мой зазвонил. Я вынул его из кармана джинсов, приложил, как можно крепче трубку к уху.

– Сколько можно шататься? Ты не ребенок, ты чудовище! Два часа назад вышел из дома и ни звонка, ни смски! Хоть бы сказал, куда пошел, я так волнуюсь! Марш домой!

Я отключил телефон.

– Я пойду домой! – сказал я Саше.

– Неприятности?

Алекса понимающе улыбнулась.

– Да так...

И, вспомнив слова Карлсона из мультика, добавил:

– Пустяки – дело житейское. С кем не бывает!

Алекса вновь улыбнулась и ничего не сказала.

Я вышел на улицу и облегченно вздохнул.

– Ух, как я устал! – подумал я в первые минуты. А потом внезапно почувствовал, как непонятная радость наполняет всё моё тело: руки, ноги, лицо. На лице появилась глупая детская улыбка.

Я, как полный дурак, запел:

– От улыбки хмурый день светлей...

Потом испуганно оглянулся, подумав, не наблюдает ли кто-нибудь за мной, но убедившись, что на меня никто не смотрит, продолжил:

– От улыбки в небе радуга проснется.

Пропев четыре строчки, я перестал петь, посмотрел назад, на дом Алексы и твердо заявил:

– Да, она и, правда, маг.

И, немного помолчав, добавил:

– Хоть и очень холодный!

6 глава

Велосипедомания. Бизнес

Когда я пришёл домой, у порога меня встретил папа. Он недавно вернулся с работы.

– Привет, пузырь! – сказал мне папа и потерял мои волосы.

Почему папа называл меня постоянно «пузырем», я никогда не мог понять. Даже моя мама лишь предполагала, что он

называет меня так, потому что в детстве у него была любимая игрушка «мячик», оттого он и любит всё, что его окружает, называть чем-то круглым.

Впрочем, на такую кличку я не обижался.

Ну пузырь, и пузырь, что тут поделаешь! Бывают клички и похуже.

Например, Юрку из моего класса называют «косоглазым», и не потому что он на самом деле косоглазый, а потому что умело списывает на контрольных работах у своей соседки по парте – отличницы Кати.

Я тоже почти отличник, у меня всего две четверки, отличником я не стану никогда, и не потому что, не могу, а потому что боюсь прослыть «ботаном», как Толик, хотя моя мама считает, что это глупая причина не быть отличником.

Хотя причина, конечно, не только в этом. Причина есть ещё более простая – моя лень.

Впрочем, о ней промолчу. И так, всё понятно.

Папа позвал меня на кухню, пить с ним кофе; мамы дома не было, не дождавшись меня, она ушла в парикмахерскую к тете Вере – своей однокласснице, умеющей делать самые «новомодные» (со слов моей мамы) прически.

Пока мы пили кофе, папа рассказал мне о том, что сегодня ночью в городе Двуреченске, где папа работал охранником, был чуть не ограблен банк.

Хорошо, что вовремя сработала сигнализация, хорошо, что вовремя подъехал папа со своим напарником. Им уда-

лось задержать похитителей.

Я с большим интересом выслушал папин рассказ. Он произвел на меня большое впечатление.

– Подумать только, – подумал я. – Какой же у меня смелый папа. Не зря мама мечтала о нем целых пятнадцать лет...

Вспомнив вчерашний разговор с мамой, я испытал слегка неприятное чувство.

– Может, папа был такой же холодный, как Саша? – подумал я.

«Саша, стекло, бабушка, тысяча рублей...»

– Где бы достать тысячу рублей?

Я ушёл в свою комнату, внимательно осмотрел её. На столе лежало несколько книг, на полу стояли мои игрушки – машинки, самолетики, слоники, лисички.

Я подошел к шкафу, стоящему около моего дивана, вынул из него большого зеленого свина. Своего любимого. Свина мне купила мама всего полторы недели назад.

Свин обычно лежал у меня в шкафу, но иногда я вынимал его из шкафа и просто любовался им, боясь того, что он загрязнится, если я начну им играть.

Может, это было и глупо, иметь большую игрушку и никогда не играть ей. Не знаю. Мне было просто приятно сознавать тот факт, что свин у меня все-таки есть.

– А продам-ка я свина! – решил я. – Он, как раз, стоит тысячу рублей!

Кому продать свина я не подумал, да и думать было лень.

«Как ты можешь его продать! Это же твоя любимая игрушка!?» – услышал я голос того, кто РЯДОМ.

Я тут же запихнул свина обратно в шкаф.

Но мысль о том, где бы достать тысячу рублей, не покидала меня.

Вернулась из парикмахерской мама. На голове у неё вышло непонятное «новомодное» сооружение.

– Здравствуй, малыш! – сказала мне мама веселым голосом. – Как тебе моя новая прическа?

Мне хотелось сказать честно, что «не очень», но, как «попугайский малыш», чтобы не огорчить свою любимую мамочку, я громко воскликнул, сам того, не ожидая:

– Превосходно, маман!

Услышав от меня французское слово, мама улыбнулась: она преподавала французский язык у нас в школе.

Впрочем, именно поэтому я выбрал для изучения английский, чтобы никто не говорил, что моя мама специально выделяет меня из своих учеников. Хотя мама, наверное, вряд ли бы это делала: она была принципиальным, справедливым человеком.

– Ой, как я рада! – воскликнула в ответ мама. – Спасибо, мой милый!

И чмокнула меня в щеку.

Я застеснялся, машинально протёр свою щеку ладонью.

Мама усмехнулась, но на меня обижаться не стала.

– Пойду разогрею обед, Коленька! – сказала она мне. –

Вы, небось, с папой ничего не ели!

– Ели! – громко ответил я. – То есть нет, мы пили кофе.

– Боже мой! О ужас, кофе, как можно!

Мама вышла из моей комнаты, зашла в зал, где папа смотрел телевизор, примерно через полминуты я услышал:

– Сережа, ну как так можно – пить кофе! Оно же вредно!

Тем более для нашего Коли! Ему всего одиннадцать лет!

Каждый раз, когда я слышал, что мне одиннадцать, я всё время хотел прибавить, что в августе мне стукнет двенадцать, но сейчас это было делать бесполезно, так как, как мне объясняла мама, что даже, когда мне будет тридцать-сорок лет, она меня также будет считать малышом.

– Для мамы её ребенок всегда маленький! – говорила она мне.

Черт знает почему, мне такие рассуждения нравились, при том, что я всегда опасался, что мама окликнет меня малышом при моих друзьях.

Но моя мама, к счастью, хорошо чувствовала такие вещи.

При посторонних людях она меня называла только Колей, а иногда даже Николаем.

– Николай! Это очень хорошо, что Вы решили сыграть с Анатолием в футбол, но было бы неплохо, если бы Вы сначала вынесли мусор! – говорила мама, когда Толька стоял рядом со мной на улице...

Папа на замечание мамы отреагировал лениво, кажется, сказал просто «ничего страшного».

Впрочем, это было одно из любимых папиных выражений. Он почти никогда не терял спокойствие духа.

– Из любой ситуации можно найти выход! – был уверен мой папа.

В чём совершенно не был уверен я.

Мы поели вчерашний борщ и макароны с котлетами, после чего я решил выйти во двор, немного покататься на велосипеде.

– Смотри не сверни на своём двухколесном друге шею! – сказала мне мама.

Я усмехнулся, услышав её слова, хотя, может, отчасти, мама была и права, на велосипеде я лихачил по полной: ездил и с одной рукой, и без двух, и клал ноги на раму, и на руль.

Из всех моих чудес мама видела лишь половину, но и этого было достаточно, чтобы она начала за меня волноваться.

Я не хотел огорчать свою маму, но по-другому жить не мог. По-другому было жить неинтересно!

Выйдя из дома, я с лихвой запрыгнул на сиденье своего двухколесного друга. Хотел уже оттолкнуться и поехать, но не тут-то было.

Меня окружила толпа малышей – первый, второй класс. Дети стали просить меня, чтобы я дал им покататься.

– Коля, дай, пожалуйста! Коля, дай!

Я был не жадным и всегда с радостью делился всем, что имел сам – и коньками, и дисками с компьютерными играми и, конечно, своим красивым скоростным велосипедом.

Но в эту минуту меня словно чёрт дернул за язык:

– Значит так, ребятня! – сказал я детям властным голосом. – Хотите кататься, платите деньги!

– Это как? – удивленно переспросил меня первоклассник Игорь.

– А вот так. Один круг – пять... нет десять рублей.

– Оба на! – произнес Миша. – А восемь нельзя? У меня только восемь.

– Восемь нельзя.

– У меня двенадцать.

– А у меня тридцать!

– А у меня сорок восемь, я пять кругов проеду!

– А у меня, а у меня...

Вокруг меня появился невыносимый гвалт, я построил «желторотиков» в одну шеренгу.

– Значит так, ездить будете по очереди!...

Через два часа у меня лежало в кармане уже двести рублей. Я сам был удивлен такому повороту событий. Ещё совсем недавно вышел на улицу без денег, а тут... целых двести рублей.

Хоть моя мама и говорит, что на двести рублей сегодня в магазине ничего особенного не купишь, проку от них большого нет, сегодня я убедился в том, что двести рублей могут доставить тебе огромное счастье.

Особенно, когда так нужны деньги!

Когда довольная и счастливая малышня от меня отступи-

ла, я, наконец, оседлал своего двухколесного друга сам.

Скоростной «конь», с фиолетовой блестящей рамой, с черными крыльями, с большим багажником – он вызывал в нашем дворе у многих зависть и в то же время восхищение.

Больше всего мне льстило то, что хозяином такого «коня» был не Петька Петров, не Борька Иванов, а именно я – Колька Лопухов.

Да, да, не удивляйтесь такая у меня «шикарная» фамилия. Но я далеко не лопух, собрал же двести рублей.

Целых двести рублей собрал я на ремонт этого чертова стекла! Осталось где-нибудь добыть ещё восемьсот. Ничего, я ещё придумаю.

Предпринимательская жилка должна быть у меня, не зря моя тетка – мамина родная сестра, живет в Екатеринбурге и работает предпринимателем.

Впрочем, до Екатеринбурга мне нет никакого дела.

Мне нравится мой уютный, маленький поселок, где есть мои друзья, моя школа, мои учителя, мои родители.

И вообще, где в данный момент я так лихо разъезжаю по улицам на своём любимом велосипеде.

7 глава

Наказание

Когда я вернулся домой, мама тут же повела меня на кухню, усадила за стол.

– Четыре часа катаешься на своём велосипеде, все руки-ноги себе переломаешь! – сказала она мне. – Сядь, поешь, голодный, наверное, вспотел весь!

Папа не любил слушать мамины возмущения. В такие минуты он нередко начинал возмущаться в ответ.

– Лен, может хватит! – ответил папа маме. – Он у нас, в конце концов, мальчишка. Пусть катается сколько хочет. Сейчас и девчонки катаются вовсю на велосипедах. И ничего не происходит!

– Да, да, ничего. А потом больницы, забинтованные ноги, выбитый глаз, и так далее!

Когда мама начинала возмущаться, на это было очень забавно смотреть.

Папа начинал иногда возмущаться в ответ, а иногда просто смеялся, внимательно слушая то, что говорила мама.

К своему стыду, я тоже смеялся над мамой.

Впрочем, мама этого не замечала. Или просто делала вид, что ничего не замечает.

Вообще, мама была очень глубоким человеком, любила читать, книги учить со мной уроки, рассказывать мне разные интересные вещи, которых не найдешь в учебниках.

Например, моя мама сказала мне как-то, что у человека может быть семь вариантов развития судьбы и оттого очень часто астрологи и экстрасенсы ошибаются в своих прогнозах о будущем.

Мамины рассказы о разных явлениях жизни, я мог слу-

шать бесконечно. И, что самое интересное, её возмущения тоже.

Когда мама возмущалась, чувствовался не только её гнев, но и её необыкновенно сильная энергетика.

Не зря мама, учась в школе, нередко строила в своём классе мальчишек, заставляя подчиняться ей всех своих одноклассников.

И сейчас, уже работая в школе, мама была строгим и властным классным руководителем.

И одновременно интересным и ярким человеком.

Очень часто я боялся того, что маму кто-нибудь обидит. Я прекрасно замечал, что, несмотря на присущую ей силу, а в некоторых моментах агрессию, она была глубоко впечатлительным, добрым, легко ранимым человеком.

У мамы был очень глубокий задумчивый взгляд. Им она проницала насквозь многих окружающих её людей. В том числе и меня с папой...

Когда я доедал макароны с котлетой, закусывая их вкусным салатом, в дверь к нам позвонили.

Я захотел побежать открывать, но моя заботливая мамочка меня остановила.

– Сиди, котёнок, – сказала она мне. – Кушай, я сама открую.

Я вновь начал натывать на вилку макаронины.

Папа тоже сидел рядом со мной и кушал.

– Как покатался? – спросил меня папа.

Это был вполне дежурный вопрос, на который заранее был известен ответ, но отвечать всё же было нужно.

– Хорошо, – сказал я папе.

– Почему не отлично?

Я пожал плечами: сам не знаю, почему я не ответил папе «отлично».

Мама с кем-то разговаривала в коридоре.

– Да, да, я понимаю, это некрасиво, – донеслись до меня слова, которые говорила кому-то мама. – Да, да, конечно, я приму необходимые меры. Я поговорю с Колей. Да, да, простите за сына. Всего доброго!

Словно что-то похолодело внутри меня...

Есть я уже не мог, поэтому отодвинул от себя тарелку с макаронами.

Хлопнула входная дверь, мама зашла стремительным шагом на кухню, подошла ко мне, строго посмотрела на меня.

– Ремня хочешь? – спросила она меня.

– Я... это.

В такой неприятной ситуации, я оказался впервые, мама никогда не поднимала на меня руку, даже не подняла руку тогда, когда я в четвертом классе получил три пары подряд.

Я растерялся, совсем не зная, что говорить.

– Ну-ка встань! – приказала мне мама.

Я поднялся со стула.

Папа посмотрел сначала на меня, потом на маму.

– Лена, ты мне можешь объяснить, что происходит? –

спросил маму папа.

– Полюбуйся на своего сына, на своего любимого сына, на свою надежду, опору, на свою... Вымогал сегодня деньги у первоклашек! Десять рублей за круг во дворе! Правильно я говорю?

– Д-да...

Отрицать было нечего. Что говорить, я также не знал.

– Может, правда, выпороть? – вопросительно посмотрел на меня папа.

– Да, я думаю тоже пора. Распустили мы его, воспитываем, наряжаем, как куклу, всё самое лучшее ему, лучший футбольный мяч, лучший костюм в школу, лучшие кроссовки, велосипед. А вот и благодарность получили.

– Ну что ж, неси ремень! – сказал папа маме.

– Сейчас принесу!

Мама вышла из кухни.

Я стоял как вкопанный, даже боялся пошевелиться.

– Боишься? – спросил меня папа. – Ну что поделаешь, сам виноват.

Мне было жутко, страшно, неприятно, обидно, но я не посмел даже пошевелиться. Плакать почти в двенадцать лет было стыдно, просить прощения я также особенно не умел. Больше всего мне хотелось в этот момент исчезнуть, испариться из кухни. Но это было не реально. Во-первых, на соседнем стуле от меня, сидел папа, во-вторых, я не мог даже пошевелиться.

Мама принесла на кухню ремень. Папа взял его, посмотрел на меня.

– Ну что подставляй, что положено, – сказал он мне.

Я с ужасом посмотрел на папины руки, в которых он держал ремень, неожиданно в моих глазах появились слезы.

Больше я терпеть не мог.

Я опустил на стул, закрыл лицо руками и заплакал. Я повел себя точно так же, как повел бы себя в такой ситуации маленький первоклассник, один из тех, у кого я сегодня забрал деньги.

– Что, стыдно стало? – спросила меня мама.

Но я словно ничего не слышал, положив голову рядом с тарелкой с макаронами на стол и, продолжая плакать.

– Пойдём отсюда! – сказал папа маме.

И они вышли из кухни, оставив меня одного.

Мне было плохо, очень плохо. Я испытывал и боль, и страх, и стыд одновременно.

Я вспоминал малышей, их копейки, которые они совали мне, их просьбы, их мольбы, и мне становилось всё хуже и хуже.

Хлопнула дверь, мама куда-то ушла. Наверное, к своей подруге – тёте Маше, впрочем, теперь мне было всё равно.

Я был один со своим горем. Один на целом свете.

Папа зашел ко мне на кухню.

Сел напротив меня, стал смотреть на меня такого маленького, несчастного, беспомощного, заботливо погладил меня

по голове.

– Ну будет, будет, – сказал он мне. – Будет, малыш!

Я начал успокаиваться, хотя всё ещё продолжал всхлипывать.

Папа с полуулыбкой смотрел на меня.

– Может, объяснишь мне, что случилось? Почему ты так поступил? – спокойным голосом спросил он.

Я посмотрел на папу глазами полными слёз.

– Я не могу...

– Почему?

– Не могу.

– Почему не можешь? Это тайна?

– Да.

Я проглотил застрявший в горле ком.

– Не делай больше так, – сказал он мне. – Маме стыдно за тебя, она учитель, её все знают, да и мне тоже за тебя стыдно.

– Хорошо, не буду, – сказал я.

– Сколько тебе нужно денег? – спросил меня вдруг папа.

– Восемьсот рублей, – ответил я.

Папа вышел из кухни, через минуту вернулся обратно, с кошельком в руках.

Вынул из кошелька одну пятисотку и три сотни.

– Держи! – сказал он мне.

И больше, ни о чем меня не спросив, вышел из кухни.

Я посмотрел грустно-прегрустно на эти восемьсот рублей и вновь всплакнул, подумав на этот раз о том, какой у меня

замечательный папа.

8 глава

Непонятный замок

На следующий день я отнёс Марии Тимофеевне деньги на ремонт разбитого мной стекла и чистосердечно признался ей в своём преступлении.

Баба Маша, к моему удивлению, сильно не возмущалась, лишь только пробубнила себе под нос:

– В ваших дурацких поступках я нисколько не сомневалась. На то вы и мальчишки. Пороть вас надо крапивой, а родители щас пошли какие-то странные: всё жалеют вас. А повоспитываешь вас маленько, отругаешь лишний раз, и вы сразу стёкла... Грамотные все больно стали, чуть что сразу права, а об обязанностях и не помните. Знаешь, какая одна из самых важных ваших обязанностей? – спросила она меня и, не дождавшись моего ответа, продолжила. – Старших надо уважать, родителей слушаться – вот ваша главная обязанность! А вы уже все в десять-одиннадцать лет испорченные, развратные. Пороть вас надо, пороть, а вас всё жалеют, да жалеют!

Услышав слово «пороть», я неприятно вздрогнул, вспомнив вчерашний день.

Саша стояла рядом и, улыбаясь, слушала рассуждения своей бабушки.

Мне же было не до смеха.

Какой-то непонятный червь продолжал мучить меня внутри, и я не мог понять, с чем это было связано, вроде уже конфликт исчерпан, я признался в своем нехорошем поступке, отдал деньги.

Но что-то как будто мучало меня.

Я начал собираться домой, так как больше в этом доме мне было делать нечего.

Алекса пошла меня провожать.

Когда я уже надел свои ботинки, Саша вдруг каким-то непонятным своим загадочным взглядом посмотрела на меня.

Мне опять показалось, что она что-то знает или о чем-то догадывается.

Я тоже посмотрел на Сашу и сказал:

– Ну ладно, я пойду. Пока!

– Пока!

Я начал открывать входную дверь и понял, что не могу разобраться в замке.

– Стой, ты не тот замок открываешь! – сказала мне Саша.

Она подошла ко мне, начала открывать мне дверь сама.

– Какой-то непонятный у вас замок! – сказал я Саше и почувствовал в своём голосе дрожь, как будто говорил не об обыкновенном замке.

– Да тут, вот здесь надо поворачивать, нижний, а ты верхний открываешь!

Саша открыла мне дверь.

Я начал выходить из квартиры и неожиданно остановился, находясь уже на лестничной площадке.

– Алекса, – сказал я девочке, которая ещё не успела закрыть за мной дверь. – А ты ведь знала, что это я разбил окно.

– Знала, – согласилась со мной Алекса.

– А почему ты мне ничего не сказала? – спросил я девочку.

– Сам знаешь, почему, – усмехнулась вдруг Алекса.

– Не знаю, объясни!

– Не буду!

В коридор вышла Мария Тимофеевна.

– Саша! – сказала она внучке строгим голосом. – Перестань запускать в дом мух, либо выйди на улицу вслед за этим шпаной, либо заведи его обратно!

– Прости, ба, – немного смешно отозвалась Алекса и, посмотрев на меня, добавила:

– Иногда что-то тайное, так и должно оставаться тайным! Не обязательно человеку всё знать!

Алекса захлопнула дверь.

После этого я должен был на неё обидеться и уйти, но сам не знаю почему, я вновь постучал в дверь.

Алекса мне открыла, строго посмотрела на меня.

Под её строгим взглядом я немного растерялся, но тут же, вопреки своей растерянности, громко проговорил:

– Алекса, а ты знаешь... мою главную тайну?

– Знаю, – ответила мне Алекса.

В этом «знаю» был исчерпывающий ответ.

Я начал спускаться вниз по лестнице.

– Стой! – окликнула меня вдруг Алекса.

– Что?

Я обернулся назад.

Алекса выбежала из квартиры, захлопнула дверь, встала на одной ступеньке со мной, поправила воротник моей рубашки, очень заботливо, как могла это сделать только мама.

– Понимаешь, – сказала она мне. – Ты очень хороший, правда, очень славный, умный, добрый... Только...

– Что? – пробормотал я.

– Ты очень маленький. Я боюсь тебя обидеть!

На моих глазах выступили слезы, как вчера, когда родители меня ругали.

– Больше всего ты обидишь меня, если меня отвергнешь! – сказал я Саше.

– Я не отвергну, мы будем друзьями, я тебе обещаю, – быстро проговорила Алекса.

– Ты, наверное, Владика любишь? – спросил я у девочки.

– Нет, – мотнула в сторону головой Алекса. – Он слишком пустой!

Я был удивлен такому искреннему признанию с её стороны.

– Коленька, я никого не люблю, совсем никого!

Она впервые назвала меня по имени и так ласково, от этого я даже вздрогнул.

– Совсем-совсем никого? – проговорил я.

– К сожалению, да.

Я посмотрел внимательно на Алексу, я не мог оторвать от неё глаз, до того она мне казалась красивой, Алекса опустила голову вниз.

Я не понимал то ли она смущается, то ли испытывает какую-то неловкость передо мной.

Я взял её за руки, потянулся к ней, коснулся своими губами её губ. Она не отвергла первый в моей жизни поцелуй, стала тоже меня целовать.

Открылась дверь квартиры Марии Тимофеевны.

– Саша, может, вы лучше домой зайдете? – раздался голос бабы Маши. – Я уже разогрела борщ, поешьте со сметанкой!

Я оторвал свои губы от Алексиных. Кажется, Мария Тимофеевна ничего не заметила, или лишь сделала вид, что ничего не видит.

– Пойдем, – сказала мне Саша. – Бабушкин борщ очень вкусный!

– Пойдем!

Мы сидели на кухне, кушали борщ, баба Маша рассказывала нам о том, как «хорошо вчера съездила к подруге, как у неё отдохнула, как они вместе смотрели любимые сериалы, как сидели за столом, как она хвасталась перед бабой Галей своей любимой внучкой Сашенькой, которая отличница, ум-

ница и в тринадцать лет очень хорошо знает английский».

За рассказами Марии Тимофеевны я не заметил, как съел огромную тарелку борща.

– Спасибо, Мария Тимофеевна, – сказал я.

– Не за что, внучок, – ответила баба Маша и, лукаво улыбнувшись, добавила:

– Если хочешь отведать пирожков с мясом, приходи сегодня вечером. Вместе с Сашкой поедите!

Взгляд Марии Тимофеевны с некоей хитринкой очень напомнил мне взгляд Алексы.

И я понял, что не такая уже и вредная эта баба Маша, просто чуть-чуть ворчливая иногда.

Я выскочил из-за стола, стал собираться домой.

Алекса вышла провожать меня.

– Извини, Саша, за разбитое стекло! – сказал я девочке. – Я, наверное, тогда тебя напугал таким звоном.

– Ничего, – улыбнувшись, проговорила Алекса.

Я начал открывать замок на двери.

– Стой! – услышал я вдруг.

– Что?

Я вопросительно посмотрел на Алексу.

Девочка подошла ко мне и поцеловала меня в губы. Сама.

– Ты что с ума сошла? А если твоя бабушка увидит? – произнес я шепотом.

– Не увидит, – уверенным голосом проговорила Саша. – По телевизору начался её любимый сериал.

И, правда, баба Маша уже где-то смеялась, то ли в зале, то ли в спальне.

– Теперь можешь идти, – сказала мне Алекса.

Я открыл дверь, начал спускаться по лестнице.

– Не забудь про вечерние пирожки! – услышал я вслед.

Едва я вышел из подъезда, мой телефон зазвонил.

– Ты где пропадаешь? – услышал я в трубке знакомый голос. – Борщ уже разогрет!

– Мама, мамочка, ты прости, – закричал я в ответ на всю улицу. – Я уже покушал борща, я больше не хочу! Да, да, Мария Тимофеевна накормила.

Я не удержался и посмотрел на разбитое мной стекло.

Саша стояла возле окна и махала мне рукой, я тоже пома- хал ей в ответ.

9 глава

Игра в футбол

Когда я вернулся домой, мама, улыбаясь, встретила меня у порога.

– Как дела, сынок? – спросила она меня. – Ты что с ребятами заигрался?

– Да, мам, с ребятами.

– Ты мой маленький...

Мама погладила меня по голове.

– Чай-то попьешь? – спросила она меня.

– От чая не откажусь!

Пока я пил чай, на кухню зашёл папа. Сегодня он был ещё дома, не на работе.

– Что, малыш, решил свои проблемы? Отдал деньги? – спросил он меня.

– Да, пап, отдал.

– Молодец!

Папа вышел из кухни, а я удивился ещё раз, почему он у меня не спросит, на что я потратил восемьсот рублей.

Наверное, он мне так хорошо доверял.

После папиного ухода, на кухню зашла мама. Она села за стол рядом со мной, налила себе тоже чай.

– Сынок, – спросила она меня. – Что-то я заметила к нам в последние дни перестал приходить Женя.

– Женя? А Женя... делает с родителями ремонт. Ему некогда! – сказал я, опережая мамин вопрос.

– Странные у вас какие-то отношения, мог бы тебе хоть раз позвонить.

– Не переживай, мама. С Женей мы переписываемся, – сказал я.

– Сынок... у тебя, правда, всё хорошо?

– Правда, мам. Не волнуйся.

– Ну дай бог.

Мама вышла из кухни, а я зашел на своем телефоне в ватцап. Женьки в «онлайне» не было. Зато сидел в «онлайне» Мишка.

– Привет! Ты что с нами перестал гулять? – написал мне Миха.

Значит, Женька, все-таки не рассказал о нашей ссоре.

Я промолчал, не придумав сразу, что отвечать Михе.

– Ни ты не гуляешь, ни Женька. Вообще забыли нас. Женька ремонт с предками делает, а ты что, тоже занят ремонтом?

Странно, откуда я так точно сказал маме о ремонте. Наверное, Женька мне как-то говорил, что он с родителями собирается делать ремонт.

– Да! – ответил я.

На кухню вошел папа, внимательно посмотрел на меня.

– Сынок, ты помнишь, что мы с мамой на прошлой неделе купили на кухню новые обои? – спросил он меня.

– Помню, – ответил я папе.

– Мы решили их поклеить, будешь нам помогать?

– Буду!

Я усмехнулся, вспомнив о том, как когда-то мама ещё года два назад рассказывала мне, что наши мысли нередко воплощаются в реальность и потому «думать о плохом» опасно.

После чаепития я ушёл к себе в комнату, стал играть в компьютер, мой телефон внезапно зазвонил.

Звонил Мишка. Я тут же поднял трубку.

– Слушай, отпросись у предков ненадолго. Нам нужен сильный вратарь! Этих гавриков, наконец, отделаем! Я жду тебя на стадионе! – сказал он мне.

Я тут же начал собираться, зная точно, что поиграть в футбол меня отпустят.

Я надел спортивный костюм, кроссовки и помчался к выходу...

К моему удивлению, на стадионе, присутствовал и Женька.

Он сказал мне «привет», пожал мне руку, и я понял, что вовсе не хочу больше с ним сводить счеты за былые обиды.

Мы играли до семи часов вечера. Забили нашим противникам девять голов, а они нам, к несчастью, одиннадцать.

Но проигрыш не очень сильно огорчил нас.

Мы были счастливы, что были вместе, что, наконец, собрались полным составом.

Сидя на траве, мы пили сок, купив его заранее в магазине, и вспоминали игру.

Мишка хвалил меня, я хвалил Мишку, а все вместе мы были твёрдо уверены в том, что в следующий раз, обязательно одолеем наших противников.

Пока я сидел на стадионе и пил с друзьями сок, мой телефон зазвенел. Я машинально, не глядя на монитор, нажал клавишу ответа.

– Сколько можно тебя ждать? – услышал я в трубке. – Пирожки уже горячие. Приходи скорей, малыш!

«Малыш». А голос вовсе не мамин.

– Не узнал? Это я, Саша. Не удивляйся, твой номер записан на странице «В контакте». Я тебя жду!

Я встал с травы.

– Пацаны, – виновато пробормотал я, обращаясь к своим друзьям. – Я пойду домой, мне это... обоим надо клеить... помогать. Маме.

– Ну иди, – сказал мне Мишка. – Пока.

– Правильно, – отозвался на мои слова Толик. – Родителям надо помогать!

Он был самый правильный и послушный из нашей компании.

Лишь Женька на меня посмотрел ехидно.

– А тебе, правда, мама звонила? – спросил он меня.

– Правда. Что пристал?!

В этом «что пристал» я, пожалуй, уже выдал себя с головы до ног, но похоже никто, кроме Женьки ничего не понял.

– Евгеха, отстань от человека, – сказал Миша. – Пусть идёт, мать, что, одна должна с обоями мучиться!?

Я облегчённо вздохнул...

Мы сидели на кухне, трескали пирожки Марии Тимофеевны, я с огромным чувством, в живописных красках описывал футбол.

– И вот значит мы забили гол... Мишка схватил мяч, побежал, я притаился, сердце моё бешено колотилось. Огромная ответственность лежала на мне...

Не знаю отчего я так, не по-современному рассказывал о своей последней игре в футбол.

Говорить правильные красивые слова у меня получалось

на каком-то автомате. Я сам удивлялся своей речи, но остановиться не мог.

Мария Тимофеевна улыбалась, слушая мой рассказ. Саша же не подавала ни малейшего признака удивления, хотя каждое моё слово поглощала с большим интересом, и я это замечал.

Как только я окончил свой рассказ, Алекса тут же искренне, неподдельно воскликнула:

– Здорово!

А через несколько секунд добавила:

– Я тоже очень люблю футбол. Ты не зайдешь за мной завтра, когда на стадион пойдешь? Я помогу вам выиграть...

– Надо же какая самоуверенная! Сразу – помогу выиграть! – подумал я.

Но сказал другое:

– Конечно, зайду, Алекса!

Мария Тимофеевна усмехнулась, услышав необычное обращение к её внучке, и предложила мне попробовать конфеты, стоящие на столе.

Но я уплетал только пирожки, один за другим. Настолько уплетал, что мне даже становилось стыдно. Впрочем, мне было не настолько стыдно, насколько я боялся, что Алекса подумает обо мне, что я страдаю грехом обжорства.

Впрочем, наверное, мужчине это простительно.

Съев пятый или шестой пирожок, я поблагодарил бабу Машу за «вкуснятину» и вышел из-за стола.

Алекса предложила мне сыграть в «нарды»: эта настольная игра хранилась у Марии Тимофеевны в шкафу.

Я согласился, хотя вовсе не умел играть.

Алекса отчего-то догадалась сразу, что я не умею играть (может и, в правду, маг) и потому ещё до начала игры, начала объяснять мне правила, чего я её вовсе не просил делать.

Я внимательно выслушал девочку, поняв, что игра не так уж сложна. Но во время первой партии, нередко испытывал конфуз (кажется, это слово любит употреблять моя мамочка), от того, что у меня не всё сразу получалось.

Алекса относилась к моим заминкам терпеливо, помогала мне, что-то начинала объяснять заново.

Я подумал, что из неё вышел бы неплохой учитель и высказал эту мысль вслух, на что Алекса лишь махнула рукой.

– Какой с меня учитель. Я равнодушна к детям!

Такое признание меня немного покорибило. Как можно быть равнодушной к детям, особенно, когда ты девочка?

Даже я – мальчик, очень любил детей.

Заметив моё смятение, Алекса быстро проговорила:

– Своих я, пожалуй, детей буду любить, а вот чужих...

Я засмеялся в ответ.

Саша чуть улыбку и вновь погрузилась в игру.

Через две минуты, она сказала:

– Ну всё, ты меня сделал!

– В каком смысле? – испуганно пробормотал я. – Что значит сделал?

– Выиграл!

Такого я не ожидал и захотел сыграть в «Нарды» ещё раз, чтобы укрепить свои позиции.

– Не повезло в футболе, повезёт в нардах! – сказала Алекса.

Телефон мой зазвонил.

– Что, домой пойдешь? – не глядя на мой телефон, сказала Саша. – Ну что ж, иди!

Меня стала убивать догадливость девочки. Звонила и, в правду, мама. Она ждала меня домой.

Впрочем, может это была обычная логика. Но как Алекса тогда догадалась, что я не умею играть в «Нарды»?

Я начал собираться домой. Алекса вышла в коридор провожать меня.

– Слушай, что ж я не догадалась? Подожди минутку!

Она помчалась зачем-то на кухню, вынесла мне в салафановом пакетике три пирожка.

– Возьми, – сказала она мне. – Угостишь своих папу и маму, и сам попьешь с чаем!

– Спасибо, – ответил я Алексе.

– А... брата у тебя нет?

– Нет. Я один.

– Ну тогда, ладно...

– Я пойду!

– Пока!

Алекса подошла к двери, сама открыла мне её. Я выбежал

из квартиры, девочка помахала мне вслед рукой.

Я спустился вниз по лестнице, открыл дверь подъезда, стоял тихий летний вечер.

Я не спеша стал идти домой. Мне никто не встретился по пути, городок словно вымер, в нём как будто совсем не было людей.

Я шёл и вспоминал весь сегодняшний день, поцелуи с Алексой, неудачную игру в «футбол», вечерний чай и приходил к мысли, что сегодняшний день, несмотря на какие-то не очень приятные моменты нравился мне гораздо больше предыдущего.

10 глава

Тревога

На следующий день мы вновь играли в футбол. На этот раз мы выиграли своих противников, со счетом 7: 15 в нашу пользу остановили игру.

Алекса, и в правду, оказалась на редкость сильным игроком. Ни в чем не уступала нам – пацанам.

Мальчишки приняли Алексу хорошо и она, к моему удивлению, ничуть не задавалась, хотя была старше нас, кого на два, а кого и на три года.

После футбола мы, как обычно, посидели на стадионе, похрустели чипсами, вспоминая нашу замечательную игру.

Алекса смеялась, шутила, кого-то пародировала, а я смот-

рел на неё и молчал. Какое-то непонятное чувство тревоги, грусти появилось у меня. Я не мог понять, с чем это было связано. Вроде всё было хорошо: лето, теплый день, друзья, но словно что-то пугает, что-то тревожит, от чего-то испытываешь дрожь в коленках.

Я не мог веселиться, не хотел смеяться. Какое-то смутное предчувствие поселилось у меня в душе.

К счастью, никто не заметил моего грустного настроения. Я поднялся с травы, сказал, что уже поздно, и все, вслед за мной, стали собираться домой.

Я взял Сашу за руку, и мы с ней вдвоем пошли отдельно от пацанов.

Алекса находилась в приподнятом настроении.

– Какая классная игра! – говорила она мне. – Какие мы молодцы!

– Ты была лучше всех! – отвечал я Алексе.

– А как мы забили им последний гол. Ты запомнил?

– Конечно, запомнил!

Мы проводили всех мальчишек по домам, после чего я отдельно привёл к дому Марии Тимофеевны Алексу.

Она мне помахала рукой и, сказав веселым голосом «ещё увидимся», забежала в дом.

– Конечно, увидимся, – уныло пробормотал я в ответ.

Когда Алекса захлопнула дверь подъезда, я не ушел к себе домой, а сел на лавочку и минут двадцать смотрел на синее ночное небо.

Было уже часов одиннадцать вечера, но домой идти мне не хотелось.

Я просто сидел, смотрел на небо и ни о чём не думал...

Через два дня я понял, отчего у меня появилась непонятная тревога. Спустя два дня после той доблестной игры Саша мне внезапно сказала:

– Сегодня вечером я уезжаю.

– Куда? – удивился я.

– К себе домой – в Москву.

– Зачем? – растерянно пробормотал я.

Саша мне начала объяснять, как маленькому, что в Москве её ждут дела, что там она живет, учится, что там живут её родители.

– Ты такая красивая. Я... лучше тебя не встречал, – прошептал я, прервав девочкины объяснения.

– Правда?

Это был глупый вопрос, не знаю, зачем она мне его задавала.

– Правда. Я тебя очень-очень люблю!

Признавшись Алексе в своих чувствах, я почувствовал какую-то сильную-пресильную грусть. Мне не было страшно, я не испытывал волнения, мне было грустно расставаться с любимым, дорогим мне человеком.

– Сейчас она уедет, а когда приедет неизвестно, – подумал я.

– Спасибо тебе! – сказала мне Саша.

Она взяла меня за руку, и, не глядя мне в лицо, пробор-мотала:

– Ты очень славный, очень добрый. Правда. Ты... ты хороший. Я не знаю... Не знаю, не понимаю, что к тебе испытываю, но не хочу обидеть тебя... Ты мне нравишься, правда. Ты мне нравишься. Но я не знаю, что у нас с тобой выйдет!

Говорила Алекса очень по-взрослому. Настолько по-взрослому, что я начинал её смущаться. Но грусть пересиливала всё. Больше всего в эту минуту я испытывал грусть, все другие чувства будь то смущение, робость отходили на второй план.

Саша поцеловала меня в щёку.

Это было для меня ещё одним подарком с её стороны.

После этого девочка отошла от меня, начала заходить в подъезд.

Мне захотелось ей крикнуть «стой», как любила она кричать мне, но я не стал этого делать.

Я опустился на корточки, сел на асфальт и заплакал. Я плакал горько-прегорько, никого не замечая вокруг.

Я чувствовал себя обиженным, обделённым.

Не знаю, почему, зачем мне она понравилась?!

Вообще, зачем люди нравятся друг другу, если когда-нибудь приходит тот страшный день, когда они вынуждены расстаться, если сильная любовь чаще бывает лишь с одной стороны, если всё не вечно?...

11 глава

Неожиданность

Придя домой, я вытащил из шкафа своего любимого зелёного свина, прижался к нему щекой, лёг на диван и тут же уснул.

Мне снились метеориты, падающие на землю, снились непонятные зелёные острова, кишачие пиратами, снилась всякая страшная муть.

Я испуганно кричал, куда-то бежал, кого-то звал.

Но ничего толком не запомнил.

После своего пробуждения, я облегчённо вздохнул, посмотрел на окно, за которым светило яркое июльское солнце. На улице был вечер, но солнце светило ярко, как днём.

Я подбежал к окну и минуты полторы смотрел на свой двор, где бегали малыши лет восьми, играли в "Ляпы".

Телефон мой зазвонил.

Я поднял трубку:

– Ну что, ты придешь ко мне? В игрушку поиграем? Ребята соберутся! – позвал меня Мишка.

– Нет.

Я отключил телефон.

Снова подошел к дивану, сел.

Какая-то невероятная тоска поселилась у меня в душе. Ничего не хотелось. Было очень плохо.

Я залез на диван, прижался лицом к своим коленкам.

– Ничего тут не сделаешь, ничего...

Кто-то позвонил в дверь. Папы с мамой в тот день не было дома, они ушли в гости к нашим родственникам, я сидел дома один.

Когда раздался звонок, первой мыслью моей было то, что вернулись из гостей родители, и я медленно пошёл к двери.

Открыв дверь, я увидел Сашу.

– Привет! – сказала она мне. – Я пришла с тобой попрощаться!

– Прощаться?

– Да. Я же уезжаю.

– Ну уезжай! – почему-то сказал я, скорее всего, пытаюсь таким образом заглушить свою грусть.

– Я тебе принесла в подарок футбольный мяч. Ты же любишь футбол?

– Спасибо.

– Знаешь, что я поняла.

– Что?

– Ты мне очень-очень нравишься.

– Это правда?

Я долго-долго внимательно смотрел на Сашу.

– Да. Я не вру.

Саша начала уходить, начала умело открывать замок моей двери.

– Стой! – властным голосом сказал я ей.

Девочка остановилась.

Я подошел к ней, обнял её, коснулся своими губами её губ...

Наш поцелуй продолжался минуты три.

Потом Саша, улыбаясь, мне сказала:

– Подрасти немного. Я тебя буду ждать!

– Правда? Ты будешь меня ждать? Ты меня будешь ждать!?

– Буду... ждать!

Не помня себя от радости, я поднял Сашу на руки, начал её кружить.

– Ты что делаешь, Коля? Опомнись! Мне тринадцать лет. Скоро четырнадцать! – закричала Саша.

– Хоть девятнадцать! – закричал я громче Алексы.

В дверь вновь позвонили.

Я опустил Сашу на пол и открыл дверь.

– Здравствуйте, мама и папа! Это Саша.

– Это твоя подружка? – улыбнувшись, спросил меня папа.

– Нет. Она больше, чем подружка. Хотя... Это секрет!

Я закрыл глаза, не веря своему счастью. Всё, что недавно казалось мне сказкой, стало былью. Я был счастлив, возможно, счастливее всех на свете. Перед моими глазами мелькали вереницей последние дни: первая встреча, разбитое окно, чай с пирожками, первый поцелуй, футбол...

Алекса стояла рядом и смотрела на меня.

– Всё, – сказала она, вдруг прервав мои мысли.

– Что? – пробормотал я, не сумев сразу «вынырнуть» из

плена своих мыслей.

– Что всё? – снова спросил я.

– Я уезжаю. Мне пора идти!

"Пора? Как же ты уедешь? Куда ты поедешь? Оставайся у нас, ходи в нашу школу, мама тебя научит французскому, мы будем по вечерам играть в нарды, бегать к нам на стадион. А хочешь, привези сюда своего брата?!"

Я не понимал сам, что я думал. Но осознавал в этот момент лишь одно – я не хочу отпускать от себя Алексу. Так как её люблю. По-настоящему...

– Ладно, уезжай. Пока! – сказал как будто не я. Кто-то другой.

Алекса начала открывать замок нашей двери. Посмотрела на меня, улыбнулась.

– Пока! – сказала она мне.

– Пока!

Она вышла, а я тут же выскочил на балкон.

Я встал на балконе и начал ждать, когда она выйдет из моего подъезда.

"Вдруг Саша мне помашет, как обычно?" – подумал я с надеждой.

Чья-то непонятная фигура замаячила вдали. И вдруг я обомлел: к моему подъезду приближался Володька Смирнов, тот самый пижон.

Алекса вышла из подъезда. Володька подошёл к ней, взял Сашу на руки, несколько раз покружил её в воздухе.

Я не слышал, что он говорил ей и не понимал, что она ему отвечала. Но что самое плохое, я почувствовал другое: с ним Алекса была счастлива. По-настоящему.

Это я понял сразу, увидев её радостную естественную улыбку.

Я зашёл обратно в дом, закрыл балконную дверь на крючок.

– Неужели она меня обманывала? Играла со мной и с ним одновременно. Что произошло?

Я не понимал, что происходило.

Но, увидев её искреннюю улыбку, услышав её смех, понял всё сразу: она любит ЕГО, не меня, а ЕГО.

А может, она его не любит? Может, просто притворяется? Может, это вранье?

Как бы я хотел, чтобы всё так было! Чтобы он её бросил, или чтоб она его...

Но это только мечты.

Безумные, бестолковые.

– Как она могла так со мной поступить?!

– Не переживай всё идёт, как надо! – услышал я голос того, кто РЯДОМ.

– Ты что, дурак?! – громко крикнул я в ответ.

– Сам ты... ДУРАК?!

Как может быть всё надо, если всё не так, как надо. Если я по-настоящему люблю её, а он просто... просто бегаёт к ней, ради развлечения? Почему в жизни такая несправедливость?

Телефон мой зазвонил.

Я поднял трубку.

– Алло!

– Что, алло? Ты на стадион-то придешь?

– Зачем?

– Сегодня девятиклассники решили с нами играть, Богатырев, а ещё этот, как там его... ну Хрулёв, Смирнов.

– Смирнов?!

– Ну да.

– Приду! – уверенно ответил я Женьке.

Конечно, я приду. Я быстро накинул на себя кофту, штаны, кроссовки, выскочил на улицу, побежал на стадион.

Через пять минут я уже был там...

Играли мы до без пятнадцати одиннадцати, почти до самой жуткой темноты, забили этим хлюпикам, пижонам – девятиклассникам одиннадцать голов, а они нам всего семь.

И я знал точно, это моя не последняя победа. Я готов сражаться за то, что мне, действительно, дорого. Я одолею своего противника, я его уничтожу.

Ведь, как однажды мне сказала мама, моя добрая, ласковая мама:

– Сынок, я тебя умоляю, как бы тебе не было сложно, больно, грустно... Никогда не сдавайся без боя!

– Хорошо, мам, – ответил я тогда, не совсем понимая значение маминых слов.

Зато теперь я их понял сполна, и благодарен за это своей

любимой маме.

Нужно уметь жить, нужно уметь радоваться жизни, нужно уметь сражаться за свое счастье, нужно уметь добиваться его.

Как бы это не было сложно, трудно и, казалось бы, бесполезно.

Ведь опять же, как мне тоже когда-то подсказала мама:
– Всё настоящее, хоть и дается нелегко, даже очень трудно, остаётся навсегда, а легкое, поверхностное уйдет само собой, исчезнет без следа.

И я был в этом точно уверен!